
КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Игорь СИТНИКОВ

магистр искусств, Международная Докторантура Тихоокеанской Азии, факультет социальных наук. Государственный Университет Чжен Чжи, Тайбэй, Тайвань. 391010, Российская Федерация, Рязань, Первая Прудная ул., 16–6; e-mail: xuyigu@mail.ru

ТАЙВАНЬСКИЙ ХРАМ «ВОСЕМНАДЦАТИ ВЕЛЬМОЖ» (следы евразийско-тихоокеанского культа)

В основу статьи положены полевые исследования, которые я проводил на севере Тайваня в 2008–2009 гг., работая над вопросом возможного присутствия устойчивых символов евразийской мифологии в тайваньском храме «Восемнадцать Вельмож». В данной статье, посвящённой этой обширной теме, я останавливаюсь исключительно на параллелях между символизмом тайваньского храма и образами русского фольклора. Хотя в полном исследовании был выделен целый ряд символов с такими параллелями – «загробный мир», «собака», «лодка», «странствие по водам», «могила», – ввиду ограниченности объёма здесь они будут продемонстрированы на примере анализа только одного образа, образа «собаки». В качестве источника для анализа использованы русские народные сказки из собрания А.Н. Афанасьева.

Ключевые слова: коллективное подсознательное, архетип, народная религия, мифологический символ, комплекс устойчивых символов, Тайвань, русская сказка, образ, евразийско-тихоокеанская культурная общность, экскарнация

Введение

Поскольку и русская волшебная сказка, и символизм тайваньского храма «Восемнадцати Вельмож» бесспорно являются продуктами народной религии, на основании концепции коллективного подсознательного Карла Густава Юнга [11, с. 297–337], в настоящей работе делается предположение о наличии общих эволюционных корней исследуемого образа как единого архетипа [12, с. 79, 451] сравниваемых народных традиций.

Для выявления истоков происхождения устойчивого образа «собаки» как исследуемого архетипа я опираюсь на фундаментальную работу Трубшоу [26], посвящённую погребальным обрядам Европы бронзового и раннего железного века и роли символа «собаки» в этих обрядах. Следуя данным археологии, Трубшоу предполагает, что собака широко использовалась в погребальных обрядах этих эпох в качестве символического проводника в загробный мир и защитника души умершего на этом пути.

В результате изложенного в данной статье исследования делается заключительное предположение, что эволюция фольклорного образа собаки от реального помощника на охоте до устойчивого мифологического архетипа как в русской, так и в тайваньской народной традиции происходила сходным образом.

Однако эволюционные фазы этого процесса наиболее ярко прослеживаются при анализе русских волшебных сказок, где образ «собаки» сохраняет комплексный функциональный ряд от объекта охоты до помощника охотника, затем пастуха и стража сокровищ вплоть до роли спасительной жертвы и защитника от враждебных сил загробного мира. Таким образом, в случае исследования символизма храма «Восемнадцати Вельмож» русская волшебная сказка может быть одним из ключей к пониманию эволюции его символов.

С развитием современных научных методов, разработанных культурной антропологией и сравнительных мифологией, мы располагаем новыми инструментами, позволяющими верифицировать гипотезы и теории, выдвигаемые данными дисциплинами. На начальном этапе исследования были проанализированы четыре варианта легенды происхождения тайваньского храма «Восемнадцати Вельмож», а также основные элементы культа.

По результатам подсчётов частоты употребления упоминаемых в легендах элементов были выделен ряд наиболее устойчивых символов культа с последующим исследованием местности, в которой расположен храм, с целью поиска присутствия в ней соответствующих природных и культурных объектов.

Затем была произведена работа по поиску параллельной символики в мифологиях и фольклоре народов евразийско-тихоокеанского региона. В частности, такие параллели были обнаружены в русских волшебных сказках, в мифологиях древних кельтов и жителей Тробрианских островов.

Последнее время растёт интерес к поиску логики в образе жизни локальных культур. Знание по сравнительной фольклористике и мифологии поможет пролить свет на понимание мира в виде символических систем (как существующих ныне, так и существовавших в прошлом). Данная работа имеет целью на конкретном примере дать ответ на вопрос, действительно ли определённые устойчивые символы, присутствующие в фольклоре, мифологиях и народных культах, несут объективную информацию о стадиях развития и образе жизни своих носителей.

Сравнительные мифология и фольклористика совместно с данными археологии могут дать новые знания о периоде, предшествовавшем эпохе письменных документов. Сопоставление в настоящем исследовании данных трёх вышеперечисленных дисциплин позволяет отчасти удовлетворить растущий интерес к доисторическому прошлому, а также пролить свет на скрытые в подсознании культурные матрицы, разделяемые в настоящее время самыми разнообразными культурами и унаследованные ими от давно забытых историй предков.

В ходе исследования было обнаружено, что несколько стабильных символов и мотивов, имеющих параллели в мифологиях различных народов евразийско-тихоокеанского региона, являются элементами некогда единой культурной матрицы.

Символика культа «Восемнадцати Вельмож»

Первоначальным импульсом для исследования храма «Восемнадцати Вельмож» (十八王公廟) на севере Тайваня был перечень его нескольких уникальных особенностей [20, с. 297–337]. Прежде всего, это был храм поклонения собаке. В настоящее время культ собаки является редким культурным феноменом не только на Тайване, но и во всём мире. Второй отличительной чертой было ночное время поклонения. Третья особенность заключалась в том, что наибольшей популярностью храм пользовался у людей с такими специфическими занятиями, как проституция, рэкет, контрабанда и азартные игры. Ещё одна необычная черта – практика воскуривания в качестве жертвоприношения сигарет с шокирующим названием «Долгая жизнь» вместо традиционных китайских палочек с благовониями. Не менее интригующими были и устрашающие суеверия о мстительном характере божества-собаки, которое якобы способно насылать смертоносные болезни тем, кто демонстрировал неуважение к храму или его атрибутам. Последнее я испытал лично после первого посещения храма (кажется, где-то в стенах храма я оставил за ненадобностью один из освящённых медальонов). И, наконец, мифология происхождения всего культа отличалась заметным разнообразием и противоречивостью. В моём распоряжении имелось четыре варианта легенды о происхождении храма. Привожу наиболее подробную версию в переводе Дженсена:

Некогда в эпоху Цинской династии в лодке плыли 17 человек и собака. В результате внезапного шторма лодка потерпела крушение и все 17 человек погибли. Их тела были вынесены на берег, но собаке удалось выжить. Затем собака всё же умерла от горя или же совершила самоубийство по той же причине. Жители прибрежной деревни похоронили тела утопленников и собаки в общей могиле [15, с. 5].

1. Информативные символы в версиях легенды

Прежде всего мной было сделано предположение, что должна существовать связь между уникальными особенностями храма и легендами о его происхождении. Чтобы обнаружить такую связь, я решил обратиться к основным символам культа. В качестве первого шага к определению наиболее характерных символов необходимо было проанализировать тексты легенд. При анализе я исходил из предположения, что наиболее повторяемые символы, которые обнаружат присутствие во всех четырёх версиях легенды, могут быть наиболее устойчивыми к культурным изменениям.

Сначала я подчеркнул в текстах все символы, которые казались информативными для анализа. Следующим шагом был подсчёт наиболее повторяемых символов. Затем эти символы были классифицированы в соответствии со степенью их повторяемости в вариантах легенды. Во время классификации я обнаружил, что некоторые из символов представляют собой вариации или модификации базовых символов.

В результате были получены 4 категории символов и их вариаций. Первую категорию составили 6 символов, представленных во всех четырёх версиях легенды: (1) «пересечение водного пространства»; (2) «лодка или корабль»; (3) «собака»; (4) «кораблекрушение»; (5) «выживание собаки»; (6) «утопленники».

Вторая категория включила 1 символ и 2 вариации, представленные в трёх вариантах легенды: (7) «число людей в лодке: 17»; «самопожертвование собаки» [вариация 5-го символа]; «кораблекрушение иммигрантов» [вариация 4-го].

Третья категория представлена 2 символами и 4 вариациями, присутствующими в двух версиях легенды: (8) «погребение»; «погребение собаки» [вариация 5-го символа]; «погребение собаки вместе с людьми» [вариация 5-го]; (9) «могила»; «время происшествия (Цинская династия)» [вариация 4-го]; «китайское происхождение людей в лодке» [вариация 4-го].

И последняя категория включила 3 уникальные информативные вариации, которые встречаются только в одной из версий легенды и конкретизируют пункты отправления и назначения потерпевшей крушение лодки, а также социальный статус её команды: «из Фучжоу в Путо-шань» [вариация 4-го]; «из Таншаня (Китай) на Тайвань» [вариация 4-го]; «богатые китайцы» [вариация 4-го].

2. Стадии развития легенды

Тер Хаар предполагает, что «для понимания изначальной фазы возникновения культа необходимо попытаться различить его исторические корни и наиболее ранние из дошедших мифов от более поздних модификаций» [24, с. 352]. Представляется, что степень присутствия символов в вариантах легенды отражает исторические стадии её развития.

Первая категория, состоящая из 6 символов, представляет, по-видимому, наиболее раннюю стадию. Вторая группа может быть результатом первой фазы культурных изменений. Третий список – возможный результат очередной фазы трансформаций в культуре. Обилие элементов в третьей категории по сравнению со второй и четвёртой может означать долговременность активного влияния данной фазы на преобразования в местной культуре. И последний список, который содержит лишь вариации прочих символов, по-видимому, состоит из наиболее поздних и менее влиятельных мифологических модификаций.

Примечателен также тот факт, что классификация демонстрирует наиболее высокую вариантность только 2 стабильных символов: «ко-раблекрушения» и «выживания собаки». Но что это может означать?

3. Полевые работы

Я посещал храм дважды: оба раза со своими однокурсниками, Мэй Цзо и Аароном Дженсенем, в 2008 г. Полевые исследования были начаты из предположения, что наиболее стабильные символы культа должны быть представлены как в мифологии происхождения храма, так и в самом храме в качестве культовых объектов. Одновременно такие символы могли оказаться и наиболее древними.

Другое предположение заключалось в том, что развитие культа и его мифологии должно быть связано с окружающей средой. Это предположение было основано на концепции Стюарда [22] об окружающей среде как определяющем факторе развития культуры.

Свидетельство традиции морской контрабанды

Во время полевых наблюдений прежде всего я обратил внимание на специфику расположения храма в прибрежной рыбацкой зоне между двумя портами – Цзилун (基隆) и Тамшуй (淡水). Храм «Восемнадцати Вельмож» находится в самой северной части Тайваня между Шимэн (石門) и Цаоли (草里), ближе к Шимэн. Ещё одна интересная деталь: в этом районе вблизи Дзиншань (金山) расположено внушительных размеров здание таможни – факт, подтверждающий существование в районе давних традиций контрабанды.

Образы собаки и могилы

Когда мы только приближались к храму, местные старушки предложили купить набор ритуальных предметов и проводили к двум большим бронзовым статуям собаки, расположенным по обеим сторонам могилы, в которой в соответствии с легендой вместе похоронены 17 человек и собака. Затем женщины настояли на том, чтобы мы прикоснулись к одной из статуй и привязали возле неё только что купленные ритуальные предметы.

Перед могилой имелась длинная прямоугольная курильница с надписью «Восемнадцать Вельмож». Перед ней располагался особый поднос, сконструированный таким образом, чтобы поклоняющиеся могли помещать туда зажжённые сигареты. На подносе мы обнаружили сигареты именно марки «Долгая жизнь» и, следуя традиции, поместили туда собственные предварительно раскуренные сигареты, которые купили перед поездкой.

Два уровня поклонения символу могилы

К нашему удивлению, после начального интервью дочь содержателя храма отвела нас в нижний зал храма, сообщив, что подлинная могила расположена непосредственно под верхней, которая на самом деле является всего лишь позднейшим изображением нижней. Согласно её рассказу, реальная могила должна была исчезнуть под фундаментом шоссе моста, части строившегося вблизи от неё комплекса атомной электростанции.

После долгих переговоров с чиновниками, ответственными за строительство, было решено переместить весь храм на поверхность мостовой дамбы и построить специальный подземный зал, чтобы позволить верующим поклоняться оригинальной могиле. В связи с этим, в настоящее время в храме имеется два похожих культовых объекта – реальная могила в подземном зале и её символическое изображение в наземной части.

Такая храмовая конструкция наводит на мысль, что «оригинальная» могила также может быть всего лишь символическим изображением, которое заменило нечто иное под воздействием каких-то иных могущественных событий, имевших место в далёком прошлом и поэтому забытых.

В подземной части храма я заметил деревянную модель старинной китайской джонки, которая также являлась объектом культа, поскольку на её палубе и мачтах были размещены многочисленные визитные карточки и зажигалки с адресами ночных клубов и караоке-баров – известных мест проституции. Этот факт подтверждал информацию о том, что лица этой профессии – одни из активных поклонников храма.

4. Исторические легенды

Из интервью дочери содержателя храма стало ясно, что помимо мифологических легенд, касающихся происхождения храма, существуют также устные исторические предания, которые сообщают, что храм был основан местными рыбаками, членами семьи Лян (練), которые были среди первых иммигрантов на Тайвань, китайцев группы хакка, и имели собственную деревню на побережье.

Время прибытия семьи Лян на Тайвань неизвестно. Но согласно интервью, взятому у самого содержателя храма, господина Ляна [27, с. 18], представляется, что семья имела храм для поклонения своим предкам ещё до того, как лодка и утопленники были вынесены на берег. Всё население деревни так же, как и семья Лян, состояло из хакка-китайцев, и все жители имели обычай сообща молиться предкам перед выходом в море. Но лишь одна группа семьи Лян принимала участие в погребении 17 утопленников и собаки и начала включать эту могилу в традиционный у хакка ритуал ежегодной церемонии поминовения усопших.

После этого было замечено, что в то время, когда большинство других рыбацких лодок приходило без улова, лодки этой группы никогда не возвращались пустыми. Данное наблюдение породило веру в то, что именно могила приносила им улов. Так эта группа рыбаков первой поверила в защитную роль могилы. Постепенно все жители деревни стали поклоняться погребённым с тем, чтобы получить удачу и защиту на море. Позже, когда люди стали зажиточнее, на месте могилы они построили небольшой храм.

5. Датирование времени возникновения легенд

Как уже говорилось ранее, для разграничения стадий развития религиозного культа необходима датировка легенд и этапов происхождения его символики. Конечно, точные даты установить невозможно, но в нашем случае представляется возможным выстроить поэтапный ряд от новейших до старейших символов, разместив их относительно хронологии основных периодов тайваньской и китайской истории.

Единственная ориентировочная дата, имеющаяся в нашем распоряжении, – это период Цинской династии, когда в соответствии с одной из версий легенды лодка, утопленники и собака были выброшены морем на тайваньское побережье. Как упоминает господин Лян [27, с. 19]: «Брать собаку на борт лодки на его веку никогда не было привычным делом». Таким образом, он предполагает, что событие имело место в период иммиграции, когда целые деревни переселялись с материка на Тайвань.

Как известно из истории [13], в период ранней китайской иммиграции все однофамильцы на Тайване объединялись для сбора денег на строительство общих храмов предков. Если иметь в виду данный факт,

то можно предположить, что члены семьи Лян не обязательно были родственниками. И тогда происхождение деревни относится, возможно, к периоду ранней иммиграции, между 1662 и 1683 гг., когда на Тайване правили сбежавший от цинцев Чжэн Чэнгун, последний из уцелевших военачальников династии Мин, и его сын. А может быть, и к более раннему периоду, после 1641 г., когда обосновавшиеся на юге острова голландцы поддерживали иммиграцию и поселения китайцев в северной части, в районе порта Даншуй.

Как сообщает Чуанг [13, с. 226]: «Подобно фамильным ассоциациям заграничных китайских сообществ, иммигранты объединялись в своеобразные наследственные организации колонистов с тем, чтобы адаптироваться к специфике местной окружающей среды». Это означает, что уже в самый ранний период своего развития культ жителей деревни семьи Лян мог быть сложной комбинацией различных поверий, привнесённых индивидуальными хакка иммигрантами и адаптированными к местным культам северо-тайваньской этнической группы Кетагалан.

Из истории Тайваня известно, что между 1683 и 1760 гг. цинское правительство ограничивало иммиграцию на Тайвань. Тем не менее нелегальная иммиграция из небезопасной провинции Фуцзянь продолжалась. Иммигрантами были в основном мужчины, которые не собирались возвращаться домой. Чаще всего они женились на местных девушках, что закреплено в тайваньском традиционном выражении «имеем материковых дедушек, не имеем материковых бабушек». Такие ограничения после 1760-х гг. были ослаблены, и в 1811 г. на Тайване проживало уже более двух миллионов китайских иммигрантов.

Таким образом, вероятнее всего, что вариация символа (4) «кораблекрушение» в одной из версий легенды, где упоминаются «17 богатых людей из Фучжоу, совершающих водное путешествие в Путошань (важный пункт буддистского паломничества)», восходит к периоду массовых миграций с материка. Как мне представляется, последняя версия легенды о происхождении храма была создана в период между 1760 и 1811 гг. с тем, чтобы адаптировать местный (уже весьма смешанный) культ к новым политическим и идеологическим реалиям официальной религии Цинской династии, и в этом видится причина упоминания пункта буддистского паломничества в качестве места назначения потерпевшей крушение лодки.

6. Результаты полевых исследований

Полевые работы подтвердили большую часть изначальной информации. Храм действительно был местом поклонения собаке, но культ собаки оказался лишь частью очень сложного комплекса, который пред-

ставляется эклектической конструкцией, состоящей из нескольких различных культов. Ночное время поклонения – тоже лишь часть культа и не является обязательной практикой.

Визитные карточки ночных клубов подтвердили слухи о том, что среди почитателей культа имелись проститутки и сутенёры. Местоположение храма в рыбацкой деревне и наличие огромного здания таможни поблизости доказали, что среди прихожан могли быть как рыбаки, так и контрабандисты.

Традиционные китайские ароматические палочки воскуриваются здесь так же, как и в других тайваньских храмах, они не заменены сигаретами; воскуривание сигарет является лишь особым дополнительным ритуалом в обычной практике жертвоприношений.

После полевых работ и вторичного анализа символов, представленных как в мифологии происхождения культа, так и в самом храме, культ восемнадцати вельмож видится комбинацией множества различных культов, наслоившихся друг на друга. Все они трансформировались в переплетение местных суеверий, однако некоторые из символов сохранились неизменными и позже стали строительным материалом в конструкции современного культа восемнадцати вельмож.

7. Стабильные символы культа

Дальнейший анализ выявил ряд из шести основных стабильных символов. Среди них – «потусторонний мир», «собака», «могила», «лодка», «кораблекрушение» и «утопленники». Понимание исторического развития тайваньской и китайской народной религии, а также образы и символы мифологий народов Евразийско-тихоокеанского ареала проливают свет на природу стабильности данного ряда символов. Этот предмет требует более полного и расширенного представления. Поэтому в этой статье я останавливаюсь лишь на параллели наиболее отличительного символа тайваньского храма с образом собаки в русском фольклоре.

Происхождение культа собаки

В процессе размышлений о происхождении стабильных символов культа вспомнился образ русского «полкана», а также сюжеты нескольких русских волшебных сказок, где образ собаки являлся достаточно значимым. Обращение к русскому фольклору явилось следующим этапом в изучении символов тайваньского храма «Восемнадцати Вельмож». Для продолжения начатого исследования необходимым стало регулярное и внимательное чтение русских волшебных сказок. Как обнаружилось, в русских сказках образ собаки появляется весьма часто. Такое чтение

выявило целый ряд важных данных, которые после детального анализа сформировались в целостную картину. Выяснилось, что образ собаки в русских волшебных сказках представлен рядом вариаций с разнообразием функций: (1) «объект охоты»; (2) «помощник и защитник как в реальном, так и в потустороннем мире»; (3) «спасительная жертва»; (4) «предсказатель смерти противника главного героя»; (5) «предок главного героя»; (6) «поединок сына собаки с оборотнем-свиньёй».

1. Образ собаки в русских волшебных сказках

Собака как объект охоты

В сказке «Кощей Бессмертный» [16, с. 485–494] образ собаки появляется трижды и его функции варьируются от объекта охоты [16, с. 489] до смертельной угрозы [16, с. 490, 492].

Собака – защитник

В сказке «Царская собака» главный герой был превращён в собаку собственной женой-ведьмой [9, с. 351]. В ходе развития сюжета функции превращённого в собаку персонажа развивались от овчарочьих, как помощника пастуха [9, с. 352], и сторожевых, как охранника купеческих богатств [9, с. 353], до мистического охранника души новорождённого царского наследника, когда собака защитила младенца от враждебных сил потустороннего мира [9, с. 355].

Выполняя функцию сторожевого пса, герой спасает своих хозяев от опасных духов-похитителей, являющихся в образе воронов, которые в русской символической традиции связаны со смертью. В награду за службу главный герой, оставаясь собакой, получает от царя княжеский титул. Сюжет этой русской сказки напоминает похожую историю китайской традиции, где фигурирует собака по имени Паньху [25, с. 28–29]. В этой китайской легенде собака спасает страну от врагов и в награду получает руку принцессы.

Собака как спасительная жертва

Очень часто в русских волшебных сказках образ собаки выступает в функции спасительной жертвы. Так, например, в двух сказках «Волшебное зеркальце» и «Чудесная курица» собаки убиты вместо детей, которые должны были быть умерщвлены по приказу злонамеренных родственников [6].

А её брат убил дворовую собаку, вынул сердце, нацепил на острый нож и повёз к отцу. Отдаёт ему собачье сердце: «Так и так, – говорит, – по твоему родительскому приказанию казнил сестрицу». – «А ну её! Собаке собачья и смерть!», – отвечал отец [2, с. 108].

В сказке «Два охотника» собака убита главным героем в качестве выкупа за свою жизнь, который он вынужден заплатить враждебным духам, представленным в образе двенадцатиглавых змеев [3]. В «Незнайко» собака погибает с целью обнаружения скрытой магической смертельной опасности, которой подвергается главный персонаж.

Отвечает жеребёнок: «Ах, Иван купеческий сын, мой любезный хозяин! Как мне не плакать? Мачеха хочет извести тебя. Есть у тебя собака; как подойдешь к дому, пусти её наперёд себя – увидишь, что будет!» Купеческий сын послушался; только собака через порог переступила, тут её и разорвало на мелкие части [5].

Собака как предсказатель

Собака с функцией предсказателя – ещё один важный образ из того же цикла: противника Ивана Сукина Сына, змея (чудо-юдо), сопровождают три животных, способных предсказывать приближающуюся смерть, – конь, ворон и пёс.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались, мост загудел – выезжает чудо-юдо змей шестиглавый; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился.

Говорит им чудо-юдо:

– Что ты, волчья сыть, спотыкаешься? Ты, воронье перо, – трепещешься? А ты, пёсья шерсть, ошетижилась? Слышите друга аль недруга?

– Слышим недруга [1].

Таким образом, в этом эпизоде собака (хорт) выполняет функцию предсказателя судьбы.

Собака – предок

Среди русских волшебных сказок есть особый цикл, где фигурируют три брата, младший из которых, змееборец, предстаёт в вариациях Ивана Кухаркина Сына, Ивана Крестьянского Сына, Ивана Коровьего Сына, Ивана Медвежьего Сына и даже Ивана Сукина Сына.

Оне сели с женой обедать, поели рыбы, конечно, и так же супу. Когда это оне поели, осталось што, поел лакей и жоны своей дал, остатки-кости дали: у лакея была собака, сука-матка, и так же дали и суки кости поесь. Во когда это все поели, так кряду понесла чарица и лакея жона и также сука понеслась. Вот когда прошло девять месецёв, то рожаютце три сына: у чарицы, у лакея и у суки, не собака, а тоже родился сын. Лакей увидел, што у суки сын, то он отбирает у суки этого мальчика и так же кормит, как своёго сына вместе [8, с. 316].

Последняя вариация напоминает Кухулина, персонажа кельтской мифологии. Тот факт, что целый ряд персонажей кельтской мифологии имеет имена, связанные с образом собаки, может свидетельствовать о существовании в древнекельтских и протокельтских обществах кланов, использовавших образ собаки в качестве тотема. Имена с частицей «сú (ку)», которая означает «пёс», очень часто появляются в ирландских анналах и мифологических циклах. Например, существуют такие, как Сú Choigríche, что означает «пёс границы», Сú Mara со значением «пёс моря», Сú Ulad, что значит «пёс ольстерцев».

Описывая мифологический цикл о Кухулине, Маккулох [17] упоминает, что у одного из персонажей, Лугайда, было прозвище Мас на Trí Con, что означает «Сын Трёх Псов». Объясняя эту деталь, Маккулох сообщает [17, с. 156], что мать Лугайда, жена Куроя, имела также двух любовников, которых звали Кухулин и Коналл. Как уже известно, частица «ку» в первых двух именах значит «пёс» и «кон» в имени Коналл – генетив от «ку».

Имя Кухулин означает «Пёс Хулина». Кухулин – главный персонаж огромного мифологического цикла. Представляется, что его образ связан с древнекельтским культом собаки. Первоначально его именем было Сетанта, но своё более известное, чем имя, прозвище он получил после того, как, защищаясь, убил свирепого сторожевого пса, принадлежавшего Хулину; в результате в качестве компенсации Сетанта предложил заменить убитую им собаку и охранять вместо неё дом Хулина. После этого случая один из друидов дал ему имя Кухулин, «Пёс Хулина». Маккулох [17, с. 142] предполагает, что в действительности имя Кухулин было дано ему на церемонии инициации, а мифологический сюжет является позднейшим объяснением происхождения этого имени.

Согласно мифу, Кухулин умер из-за того, что был принуждён отвесть собачьего мяса, плоть своего тёзки, и таким образом нарушить табу. Маккулох описывает это так: «По дороге ему встретились три старухи, готовившие собачье мясо, приправляя его ядами и заклинаниями, которые окликнули его» [17, с. 156]. Образ Ивана Сукина Сына из русского сказочного цикла весьма схож с образом Кухулина и, возможно, также имеет происхождение из древнеславянских обрядов инициации и существовании кланов, использовавших образ собаки в качестве тотема.

Собака в поединке со свиньёй

Интересен эпизод из цикла об Иване Собакином Сыне, где его преследует ведьма, превратившаяся в огромную свинью. Этот эпизод схож с подобным сюжетом в кельтской мифологии. А происхождение его может быть объяснено в сравнении с тробрианским мифом о соперничестве между собачьим и свиным кланами за приоритетное положение в обществе.

Население расположенных вблизи Новой Гвинеи Тробрианских островов изучал известный этнограф польского происхождения Бронислав Малиновский [18]. В одном из мифов, записанных Малиновским в начале XX в., описан эпизод, иллюстрирующий соперничество между двумя братьями и сестрой. По-видимому, эти персонажи являются отголоском существовавшего некогда противоборства трёх островных кланов – игуаны, собаки и свиньи.

2. Место собаки в троичной системе праиндоевропейцев

Отражённая в мифе структура тробрианского общества органично вписывается в разработанную Жоржем Дюмезилем теорию трёх функций [14], где он доказывает существование трёхсословной структуры протоиндоевропейского общества. Теорию существования троичной иерархии в структуре раннего общества индоевропейцев поддерживает в своей монографии, посвящённой изучению проблемы индоевропейцев, и Мэллори [19]. Хотя область, населённая тробрианцами, географически весьма отдалена от предполагаемой прародины протоиндоевропейцев, сходство в структуре общества может говорить о миграционных процессах вовлечения автохтонного островного населения в единую евразийско-тихоокеанскую культурную общность. Впервые концепция евразийско-тихоокеанской культурной общности была предложена автором настоящей работы в докладе, посвящённом этой теме, на одном из международных симпозиумов в Государственном Университете Чженчжи в Тайбэе. До сих пор широко применялась лишь концепция евразийства. В последнее время появилась также концепция Тихоокеанской Азии. Однако более целесообразным кажется объединение этих двух концепций в одну, куда следовало бы включить также и Средиземноморье Африки [21].

Дюмезиль ограничивался, конечно же, сопоставлением мифов лишь индоевропейских народов и пришёл к выводу, что все они в прошлом имели три функциональных сословия: жрецов, воинов и земледельцев. Каждая из этих каст была представлена в мифологиях тем или иным божеством. Так, касту жрецов представляли греческий Зевс, римский Юпитер, древнегерманский бог Один, славянский Перун и индийский Варуна. Воинское сословие представляли боги войны – греческий Арес, римский Марс, древнегерманский Тор и индийский Индра. Сословие земледельцев символизировали боги плодородия – греческая Деметра, римская Церера, древнегерманский Фрейр и славянский Велес.

В русском цикле об Иване Сукином Сыне тоже обнаруживаются следы протоиндоевропейской троичной социальной структуры, которые представлены образами трёх братьев – Ивана Царского Сына, Ивана Девкина Сына и Ивана Сукина Сына. Теперь, когда проиллюстрированы все шесть основных функций образа собаки в русских волшебных сказках, необходимо обратиться к данным, известным из археологии.

3. Собака в ритуалах экскарнации

Реконструируя происхождение символа собаки в тайваньском храме «Восемнадцати Вельмож» и функций, выполняемых этим образом в русских волшебных сказках, я обнаружил многочисленные следы существовавшего некогда культа поклонения собаке; такие следы широко представлены в мифологиях, сказках и суевериях множества различных народов евразийско-тихоокеанского региона.

Мотив самопожертвования собаки в версиях легенды о происхождении культа «Восемнадцати Вельмож» напоминает погребальные обряды с ритуальным жертвоприношением собак как охранников души умершего на пути его странствия в загробный мир. Такие обряды, предположительно, были широко распространены по всей Евразии в эпоху неолита, а также в бронзовый и железный века.

Трубшоу демонстрирует развёрнутую картину собачьих культов среди народов Евразии [26]. Мифологические и археологические данные свидетельствуют о весьма специфической роли собак в культах неолита и бронзового века, где они служили «психопомпами», проводниками в потусторонний мир, и охранниками границ между мирами.

Так, например, британскими археологами были обнаружены останки двух собак на комплексе неолитического и бронзового веков вблизи Питерборо (Англия). Как сообщает Трубшоу, обе собаки были ритуально умерщвлены, чтобы «служить духами-охранниками в комплексе, который вне сомнения служил местом погребальных ритуалов на протяжении веков» [26].

Трубшоу обращает внимание также на тот факт, что на протяжении бронзового века в Европе только незначительная часть населения практиковала погребения в земле; и предполагает, что культ собаки может иметь происхождение в ритуалах экскарнации [26]. Экскарнация – погребальная практика устранения мягких тканей умершего, оставляя обнажёнными кости. Экскарнация может, в частности, осуществляться путём выставления тела покойного так, чтобы сделать его доступным для животных-падальщиков, так как это делается в тибетских «небесных похоронах» и в погребальных обрядах зороастризма.

4. Происхождение стабильных символов культа

Анализ образов собаки в русской волшебной сказке и параллели в кельтской мифологии позволяют продолжить датирование возникновения основных символов тайваньского культа «Восемнадцати Вельмож». Как это ясно из вышеизложенного, образ собаки как в тайваньском храме, так и в русских сказках тесно связан с представлениями о жизни после смерти.

Потусторонний мир

Концепция потустороннего мира демонстрирует высокую повсеместную стабильность, и её происхождение следует датировать эпохой верхнего палеолита (35000 лет назад).

Собака

Географический ареал распространения некогда существовавших культов собаки простирается по всей евразийско-тихоокеанской территории. В связи с этим возникновение данного символа может быть датировано временем одомашнивания собаки в позднем верхнем палеолите примерно 17000–14000 лет назад.

Могилы

Происхождение символа могилы может быть связано с первыми мегалитическими конструкциями, которые датируются эпохами неолита и бронзы примерно 11000–6000 лет назад. Представляется, что в период неолитической революции ранее существовавший охотничий культ собаки сохранил связь с символом потустороннего мира. Но если раньше такая связь осуществлялась через отсылаемую в мир иной дичь, то теперь, благодаря ритуалам экскарнации, которые, вероятно, практиковались на мегалитических сооружениях, эти представления трансформировались.

Таким образом, собака из помощника охотника превратилась в психопомпа, стража души умершего в его странствии за пределы мира живущих. Ритуалы экскарнации с сопровождавшей их практикой жертвоприношения собак могут быть объяснением комбинации символов собаки и могилы в тайваньском культе «Восемнадцати Вельмож».

Лодка

Возможно, лодка в качестве религиозного символа происходит из эпохи первой транспортной революции, когда было изобретено это первое транспортное средство. Люди научились путешествовать по воде даже раньше, чем приручили лошадь. Древнейшими лодками из обнаруженных во время археологических раскопок были долблётки, датированные периодом в 9000 и 7000 лет назад.

Кораблекрушение

Параллели между историческими свидетельствами о кораблекрушениях на побережьях Тайваня и мифологией кораблекрушений у тробрианцев наводят на мысль, что тайваньская легенда о потерпевшей крушение лодке с семнадцатью людьми и собакой связана с мифологией морских кочевых народов, которые как кочевали вдоль берегов Тайва-

ня, так и оседали на них. Данный символ, вероятно, был создан первыми мореплавателями в период, начавшийся приблизительно 6000–5000 лет назад, когда было освоено плавание по морским водам.

18 или 17 божеств

Среди книг, предлагавшихся храмом «Восемнадцати Вельмож» поклоняющимся, была одна, описывающая 18 типов грехов, которые после смерти должны очищаться на 18 специализированных этажах посмертного чистилища. Интересно, что в китайском буддизме махаяны существуют также образы 18 архатов [23], число которых, однако, варьируется. Образы 18 архатов (или «лоханей»), между прочим, пользовались популярностью у циньского императора Айсиньгёро Хунли, который правил под девизом Цяньлун (乾隆帝) в период с 1736 по 1795 г. Кроме того, в китайской традиции существует представление о 18 уровнях подземного мира [23], которое соответствует числу архатов и восемнадцати вельможам тайваньского культа.

Имеется и идея ада, или «дию» (地獄 «подземной тюрьмы»). Сочетая идеи как даосизма и буддизма, так и китайской народной религии, тюрьма представляет собой место очищения, которое служит не только для наказания, но и для обновления душ, готовя их к следующим воплощениям. Интересно, что китайский иероглиф, изображающий тюрьму (獄), в концепции подземного чистилища содержит графемы двух собак, заключающих между собой графему, изображающую «речь».

Число уровней китайского ада варьируется: согласно одним представлениям, их имеется от трёх до четырёх, по другим, их число достигает десяти. В даосской и буддистской мифологиях ад состоит из десяти дворов, каждый из которых управляется одним из десяти Царей Яма (閻王), а также восемнадцати уровней, где проходят наказание грешники. Устойчивый концепт «18 уровней ада» берёт своё начало в период Танской династии. В буддистском же тексте «Дзяндию-цзин» (閻地獄經) упоминаются 134 адских мира, которые впоследствии были сведены к 18 уровням.

Тейзер упоминает, что в китайской энциклопедии шестого века были описаны другие концепции структуры буддистского ада, в числе которых имелась и система 18 адов [23, с. 118]. Это означает, что происхождение традиции, оперирующей концепцией 18 уровней ада, берёт начало в период до VI в. н.э. Тейзер [23, с. 130] объясняет трансформации в концепции структуры ада социальными, экономическими и политическими причинами.

Мне, в свою очередь, представляется, что тайваньский культ «Восемнадцати Вельмож» может иметь длинную цепочку трансформаций в ассоциации данного нумерологического символа. Во-первых, число 17 или 18 может быть связано с числом команды традиционного морского судна

эпохи первых мореплавателей. Во-вторых, это число может иметь связь с традицией южно-китайского народа Яо, до сих пор сохраняющего культ 17 или же 18 божеств и ведущего своё мифическое происхождение от легендарной пятицветной собаки Паньху, о которой я упоминал ранее.

Этот культ мог быть привнесён на Тайвань хакка иммигрантами, которые имели долгую историю совместного проживания с народом Яо на материке. И, в-третьих, ослабление ограничений на миграцию китайского населения на Тайвань (после 1760-х гг.) приходится на период правления императора Айсиньгёро Хунли (1736–1795), поклонника 18 архатов. Такое благоприятное единство различных культурных традиций, привнесённых на северное побережье Тайваня в разное время различными волнами мигрантов, может объяснять стабильность этого нумерологического символа в культе и особый акцент на нём.

Заключение

В целом данное исследование приводит к заключению, что часть ритуалов и мифологических символов культа «Восемнадцати Вельмож» представляют собой фрагменты единой некогда мифологической системы. Прослеживая параллели символов культа в мифологиях других народов, я обнаружил, что многие мифологии включают похожие наборы общих символов [20]. И если сходство отдельных символов в различных культурах не обязательно означает связь между ними, то сходство комплексов символов предполагает высокую вероятность такой связи.

Среди культур, связанных общими комплексами символов, в настоящее время мне известны следующие: кельтская, германская, славянская, греческая; культуры уральского и сибирского шаманизма; культуры австронезийских народов через их верования и погребальные обряды.

Конечно, каждая отдельная культура демонстрирует специфические варианты схожих рядов символов. В каждом из таких наборов недостаёт тех или иных символов, или же, напротив, они демонстрируют отличные вариации основной символики. Тем не менее сравнительный анализ этих рядов позволяет реконструировать приблизительные модели, которые могут демонстрировать фазы развития сходных наборов общих для Евразийско-тихоокеанского ареала символов. Здесь я демонстрирую первую из разработанных моделей, которая представляет собой группу символов, связанную с символом собаки.

«Собака как дичь» и объект охоты – так же, как любой другой объект охоты, собака связана с загробным миром из-за смерти от руки охотника.

«Собака как помощник и защитник», защитник от преждевременной смерти, поскольку она помогает охотнику и пастуху в их деятельности, связанной с добычей пищевых ресурсов, необходимых для продолжения жизни. Данная новая функция связана с новой ролью собаки как домашнего животного.

«Собака как жертвенное животное», поскольку как падальщик она связана с загробным миром и потому может быть духом-охранником, сопровождающим души умерших в их странствии к загробному миру. На этой стадии развития символа собака приобретает новую функцию животного-падальщика, активно участвующего в ритуалах экскарнации. Поедая человеческие останки, собака приближается к более позднему образу «паромщика», перевозящего души умерших через реку, разделяющую реалии этого и загробного миров. И в этом случае символ собаки тесно увязывается с символом лодки.

«Собака как предсказатель» – функция, развившаяся из предыдущего образа охранника и охранительной жертвы, животного, которое способно предостерегать и таким образом охранять от преждевременной смерти.

«Клан собаки»: данная вариация представляет собой стадию развития, когда ранее описанные функции стали эксплуатировать группы лиц с сакральными функциями внутри сообществ, такие как шаманы и тотемные кланы.

«Мотив соперничества между собачьим и свиным кланами»: данный мотив должен был появиться в эпоху неолита, когда была одомашнена свинья. Свинья стала главным пищевым ресурсом. Этот новый ресурс постоянно находился под рукой и был уже более важным для ежедневного существования в сравнении с дичью, добываемой на охоте.

Список литературы

1. Буря-богатырь, Иван коровий сын // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1984. С. 216–225.
2. Волшебное зеркальце // Сказки: в 3 т. Т. 2: Волшебные сказки / Сост. Ю.Г. Круглов. М.: Сов. Россия, 1992. С. 108.
3. Два охотника // Сказки: в 3 т. Т. 2: Волшебные сказки / Сост. Ю.Г. Круглов. М.: Сов. Россия, 1992. С. 121.
4. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. 1 т. – 512 с.; 2 т. – 464 с.; 3 т. – 496 с.
5. Незнайко // Сказки: в 3 т. Т. 2: Волшебные сказки / Сост. Ю.Г. Круглов. М.: Сов. Россия, 1992. С. 177.
6. Сказки: в 3 т. Т. 2: Волшебные сказки / Сост. Ю.Г. Круглов. М.: Сов. Россия, 1992. 507 с.
7. Сказки Карельского Беломорья. Т. 1. Кн. 1: Сказки М.М. Коргуева / Под общ. ред. М.К. Азадовского, Б.А. Ларина, И.И. Мещанинова и др. Петрозаводск: Карельское государственное издательство, 1939. LXII, 646 с.
8. Сукин Сын // Сказки Карельского Беломорья. Т. 1. Кн. 1: Сказки М.М. Коргуева / Под общ. ред. М.К. Азадовского, Б.А. Ларина, И.И. Мещанинова и др. Петрозаводск: Карельское государственное изд-во, 1939. LXII, с. 314–334.
9. Царская собака // Сказки: в 3 т. Т. 2: Волшебные сказки / Сост. Ю.Г. Круглов. М.: Сов. Россия, 1992. С. 351–355.

10. Чудесная курица // Сказки: в 3 т. Т. 2: Волшебные сказки / Сост. Ю.Г. Крутлов. М.: Сов. Россия, 1992. С. 154.
11. Юнг К.Г. Структура бессознательного // Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. С. 297–337.
12. Юнг К.Г. Человек и его символы. СПб.: Б.С.К., 1996. С. 79, 451.
13. *Chuang Y.-Ch.* Lineage Organization on the Taiwan Frontier // Anthropological Studies of the Taiwan Area: Accomplishments and Prospects, eds. Li, K. Ch., Chang, K. Ch., Wolf, A.P, and Yin, A.Ch. Taipei: National Taiwan University, 1989. 390 p.
14. *Dumézil G.* Mitra-Varuna. Presses universitaires de France, 1940. 150 p.
15. *Jensen A.* Legends of the Temple of 18 Deities origin // *Sitnikov I.* Master's of Arts Thesis. Change and Stability of Eurasian Symbols in Taiwan Popular Religion: A Case Study of the 18 Deities Cult. Taipei: NCCU, 2009. P. 5.
16. Koshchei the Deathless // Russian Fairy Tales. New York: Pantheon Books, 1973. P. 485–494.
17. *Macculloch J.A.* Celtic Mythology // The Mythology of all Races: 13 vols. Vol. 3 / Eds. L.H. Gray and G.F. Moore. New York: Cooper Square Publishers. Inc., 1946. P. 142, 156.
18. *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific. London: George Routledge & Sons, Ltd., 1922. 276 p.
19. *Mallory J.P.* In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London: Thames and Hudson, Ltd., 1992. 288 p.
20. *Sitnikov I.* Change and Stability of Eurasian Symbols in Taiwan Popular Religion: A Case Study of the 18 Deities Cult. Master's of Arts Thesis. Taipei: NCCU, 2009. P. 297–337.
21. *Sitnikov I.* Common Patterns of Cultural Heritage in Asia-Pacific // IDAS Symposium. The Rising Asia Pacific Region: Opportunities and Challenges for Cooperation. Taipei: NCCU, 2011. P. 316–337.
22. *Steward J.* Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1955. 245 p.
23. *Teiser S.F.* The Growth of Purgatory // Religion and Society in T'ang and Sung China / Eds. P.B. Ebrey and P.N. Gregory. University of Hawaii Press, 1993. P. 118, 130.
24. *Ter Haar B.J.* The Genesis and Spread of Temples Cults // Development and Decline of Fukien Province in the 17th and 18th Centuries / Eds. E.B. Vermeer and E.J. Brill. Leiden, 1990. P. 349–396.
25. The Man who Sold a Ghost: Chinese Tales the 3rd-6th Centuries. Hong Kong: The Commercial Press, Ltd., 1977. P. 28–29.
26. *Trubshaw B.* Black Dogs: Guardians of the Corpse Ways // Mercian Mysteries. 1994. № 20.
27. *Tso M.* Mr. Lian's interview // *Sitnikov, I.* Master's of Arts Thesis. Change and Stability of Eurasian Symbols in Taiwan Popular Religion: A Case Study of the 18 Deities Cult. Taipei: NCCU, 2009. P. 18–19.
28. Russian Fairy Tales. New York: Pantheon Books, 1973. 672 p.

CULTURAL ANTHROPOLOGY

Igor SITNIKOV

Master of Arts, International Doctoral Program of Asia Pacific Studies, College of Social Sciences. National Cheng Chi University, Taipei, Taiwan. 391010, Russian Federation, Ryazan, 1st Prudnaya str., 16–6; e-mail: xuyiguo@mail.ru

THE TAIWAN “TEMPLE OF EIGHTEEN DEITIES” (TRACES OF EURASIA-PACIFIC CULT)

The article is based on the fieldwork conducted by the author on the north of Taiwan in 2008–2009 in purpose to study the possibility of stable Eurasian mythology symbols existence in the Taiwan “Temple of Eighteen Deities”. In the current article, which is devoted to that broad topic, I limit myself solely on the parallels among the Taiwan temple symbolism and images of Russian folklore. Despite in the whole study there were detected a number of symbols with such parallels – “otherworld”, “dog”, “boat”, “crossing the waters”, “grave”, - because of volume limitations they will be demonstrated only on example of one image, image of “dog”. As the source for the analyses Russian fairy tales from A.N. Afanasyev were chosen.

Keywords: collective unconscious, archetype, popular religion, mythological symbol, stable symbols set, Taiwan, Russian fairy tale, image, Eurasia-Pacific cultural unity, exarnation

Introduction

As soon as both Russian fairy tales and the symbolism of Taiwan “Temple of Eighteen Deities” without doubt are the products of popular religion, basing on the Carl Jung’s [11, p. 297–337] concept of collective unconsciousness, in current work it is made an assumption that the studying image as a common archetype [12, pp. 79, 451] has the same origin in the comparing folk traditions.

To determine the origins of stable “dog” image as the studying archetype I base my assumption on the fundamental work of Trubshaw [26], devoted to funereal rituals in Europe of the Bronze and Early Iron ages and the role which

was played by the “dog” symbol in those rituals. Following the archaeological data, Trubshaw supposes that dogs were widely used in funeral rituals of those epochs as a ‘psychopomps’ - the symbolic guides to the otherworld, and the guardians of a dead’s soul on that way.

In the result of the study, which is described in current article, it was made the conclusion that evolution of the dog’s folk image from the real helper in the hunting activity to the stable mythological archetype both In Russian and Taiwan folk traditions was going on in the similar way.

However, as it could be stated after the analysis, In Russian fairy tales the evolutionary phases of this process are represented in the more detailed way, the “dog” image there preserves its whole functional set from the hunting game to hunter’s and pastoralist’s helper, then from the guardian of treasures until to the role of sacrificial animal and a spirit-guardian from the hostile powers of the otherworld. Accordingly in the case of the studying the “Temple of Eighteen Deities” symbolism Russian fairy tales could be a key to understand its symbols evolution.

With the development of modern scientific methods elaborated by cultural anthropology and comparative mythology nowadays we have new tools that enable to verify hypotheses and theories designed by those disciplines. In the first phase of current study there were analyzed four variants of legends about the “Temple of Eighteen Deities” origin and also the main cult elements.

According to the frequency of the legends elements mentioning calculation results there was determined the set of most stable cult symbols. This phase of the study was followed by studying of the temple location surrounding area in purpose to discover the corresponding natural and cultural objects.

After that there was carried out the work on studying the parallel symbolism in mythologies and folklore of the peoples populating the territory of Eurasia-Pacific region. In particular such parallels were found In Russian fairy tales, in mythologies of ancient Celts and inhabitants of the Trobriand Islands.

Today increases a demand to find the native logic by which different peoples in the world make sense out of life. Study in comparative folkloristics and mythology helps bring into light the hidden sense of understanding the world in terms of symbolic systems of various peoples both in present and in past. Current paper basing on the concrete example intends to answer the question whether particular stable symbols which exist in folklores, mythologies, and cults of popular religions carry objective information about the developing stages and their bearers’ ways of life.

Comparative mythology and folkloristics together with archaeological data might bring new knowledge about the period of human history extending back before the time of written documents. The data comparison of the three above mentioned disciplines, which was made in current study partly helps to satisfy the increasing interest to the prehistorical past and also bring to light hidden in collective unconsciousness cultural patterns, which nowadays are shared by various cultures who inherited them from their forgotten prehistorical ancestors.

During the study it was found that several stable symbols and motifs, which have parallels in mythologies of different peoples inhabiting the Eurasia-Pacific region, are the elements of once single cultural complex.

“Eighteen Deities” Cult Symbolism

The first impulse to start my study of the “Temple of Eighteen Deities” (十八王公廟) in northern Taiwan was an intrigue list of several unique details in the temple characteristic [20, p. 297–337]. First of all it was a case of a dog worshiping temple. Nowadays the cult of a dog is a rare phenomenon not only for Taiwan, but also all over the world. The second phenomenon is the night time worshiping practice. The third detail was mysterious fact that among worshipers in the temple there were mostly people of such specific occupations as prostitution, racket, smuggling and gambling. Another unique feature of the temple was the practice to sacrifice cigarettes with the shocking name “Long Life” side by side with traditional Chinese incense sticks. Not less intrigue were horrible gossips suggesting the fact of vindictive character of the dog-god, which could bring deathly illness for the person who showed disrespect for the temple. A kind of effect similar to described above I experienced personally after my first visit to the temple (it looks like, I left somewhere inside the temple seemed useless one of sanctified medallions. And lastly the temple origin mythology was notable for variety and contradiction. There were available four variants of the legend, describing the temple origin. Here I cite only one, most detailed version, translated by Jensen:

17 people and a dog were on a boat during the Qing dynasty. There was a sudden storm and all 17 died when the boat was destroyed. The bodies washed up on shore but the dog survived. The dog then died, or killed himself because of his sadness. The people in the village buried the bodies and the dog in the same place [15, p. 5].

1. Studying of Legends Informative Symbols

First of all I assumed that should be connection between those unique features of the cult and the stories of the temple origin. To find the connections I decided to focus on the cult main symbols, which could help to solve the temple puzzles. My first step to find such symbols was to analyze the texts of those legends. I supposed that most often repeated symbols which are represented in all four versions of the legend should be the most stable ones.

In the beginning I underlined all symbols, which looked to be informative for the analysis. In the next step I calculated the most often repeated symbols. Then I classified the symbols according to the degree of their presence in the legend versions. During the process of that classifying I found that some of symbols represent variants or reinterpretations of the main symbols.

In result I got 4 categories of the symbols and their variations, which I placed in 4 lists. The first is a list of 6 symbols represented in all four versions of the legend: (1) “crossing the waters”; (2) “boat or ship”; (3) “dog”; (4) “shipwreck”; (5) “dog’s survival”; (6) “drowned corpses”.

The second list is constrained by 1 symbol and 2 symbols variations, which are represented in three versions: (7) “number of people on the boat: (17)”; “dog’s self-sacrifice” [reinterpretation of 5]; “immigrants’ shipwreck” [reinterpretation of 4].

The third list includes 2 symbols and 4 symbols variations represented in two versions of the legend: (8) “burial”; “dog’s burial” [reinterpretation of 5]; “dog’s burial with people together” [reinterpretation of 5]; (9) “grave”; “time of accident (Qing dynasty)” [reinterpretation of 4]; “Chinese nationality of the people on the boat” [reinterpretation of 4].

And the last one is the list of 3 unique informative symbols variations, which appear only in one of the versions of the legend and concretize the departure and destination points of the wrecked boat as well as a social status of the crew: “from Fuzhou to Putuo Shan” [reinterpretation of 4]; “from Tangshan (China) to Taiwan” [reinterpretation of 4]; “rich Chinese” [reinterpretation of 4].

2. Stages of the Legends Development

Ter Haar suggests that “to understand the initial rise of a cult, it is necessary to attempt to separate its historical origin, and the earliest extant myths, from later elaborations” [24, p. 352]. I suppose that the degree of the symbols presence in the legend versions could mean the historical stages of the myth development.

The first list of 6 symbols (“crossing the waters”; “boat or ship”; “dog”; “shipwreck”; “dog’s survival”; and “drowned corpses”) probably represents the earliest stage. The second list could mean the fact of the first cultural change, which added to the mythology 1 new symbol of “17 people on the boat” and 2 reinterpretations of earlier symbols of “shipwreck” and “dog’s survival.” The third list, which adds 2 new connected symbols of “burial” and “grave”; and 2 new variants of both “shipwreck” and “dog’s survival” symbols, could mean a new stage of cultural change. The richness of the third list could mean that the cultural change was caused by long time and powerful influence. The last list, which contains only reinterpretations of other symbols, could represent latest and less influential elaborations.

It was interesting to notice also that calculation and classification showed high changeability of only 2 stable symbols: “shipwreck” and “dog’s survival.” But what could it mean? For the further research the fieldwork was a necessary stage.

3. Fieldwork

I visited the temple in 2008 two times, both times with my classmates: Mei Tso and Aaron Jensen. The field work stage I started from the assumption, that the most stable cult symbols should be represented both in the temple origin mythology and in the temple itself as the subjects of the cult. Such symbols probably could be the oldest ones.

Another assumption was that the cult development and its mythology should be connected with the environment. My assumption is based on Steward's concept [22] that the environment is the chief determining factor of culture.

Sea smuggling tradition testimony

During my field trip observation first of all I paid attention to the temple specific location on coastal fishing area between two ports Keelung (基隆) and Damshui (淡水). The “Temple of Eighteen Deities” is situated in the most Northern part of Taiwan between Shi Men (石門) and Cao Li (草里), closer to Shi Men (石門). An interesting detail is that in that area, close to Jin Shan (金山), is situated a huge custom-house – the fact, which sustains that the area has smuggling tradition.

Dog's and grave images

When you approach the temple the old women will sell you a set of ritual objects and then bring you to the two huge bronze statues of the dog, which are situated on both sides of the grave, where according to the legend 17 drowned people and the dog were buried together. The women insist you to touch the dog's statue and fasten near it one of the just sold ritual objects.

In front of the grave there is a long rectangular incense burner with the inscription: *Eighteen Deities*. In front of the rectangular incense burner is placed a special tray, designed in the way that worshippers could place cigarettes sacrifice. On the tray we found exactly “Long Life” cigarettes, and according to tradition burned and placed there our own “Long Life” cigarettes, which Jensen bought before our field trip.

Two levels of the grave worshipping

For our surprise after an initial interview the daughter of the temple keeper brought us to a downstairs chamber, informing that the real grave is situated there exactly under the upper one, which is only the later image of the original grave. According to her story during the nuclear plant construction the real grave should be buried in the fundament for the highway bridge.

After long time discussions with the responsible for construction works officials, it was decided to move the whole temple on the top of the bridge base, but construct the special underground chamber to give the worshippers

an opportunity to address to the original grave. So, nowadays in the temple there are two cult objects with the same meaning and function – the real grave underground and its symbolic image on the ground surface.

Such combination gives an idea that the 'original' grave also could be just a symbol, which could replace something else by the influence of any other powerful events in the past, now forgotten.

On the underground level I paid attention to the wooden image of the boat, which seemed to be a cult object also, because on the deck of the boat and on its masts were placed numerous visiting cards and lighters with addresses of night and karaoke clubs – the places of prostitution activities – the proof of the information that prostitutes are among the main worshippers in this temple.

4. Historical Legends

From interview of the temple keeper's daughter it became clear that besides temple foundation mythology there are also oral historical stories which inform that the temple was founded by the local fishermen, members of the Lian (練) family, who were Hakka immigrants from the earlier times and had their village on the shore.

The time of Lian family arriving to Taiwan is unknown. But according to the interview of the temple keeper Mr. Lian [27, p. 18] it seems to be that the family had the temple for ancestors worshiping in the village before the boat with dead corpses was washed ashore. All the people in this village were Hakka Chinese immigrants and Lian family relatives also. And they got used to worship all the ancestors together every time before going out to fishing. But only one group of Lian family buried 17 drown corpses with a dog and started to include their tomb worshiping ritual in their annual Hakka sweeping tomb ceremony.

And then, seeing most other fishermen's boats were returned empty, they had at least some harvest at each time. That made them starting to believe that it's the tomb was bringing them harvest of fish. Only that group of people was first to believe being protected by the tomb. And gradually, all the village people came to worship that tomb for good luck and safety. Later on, they built a little temple out of the tomb when their economy became better.

5. Dating of the Legends Origin

As previously mentioned, to understand the stages of the temple's cult development, it is necessary to date the legends and symbols origin. Of course, it is impossible to date them exactly, but it seems we could organize them in order from the newest to the oldest ones and place them according to the main stages of Taiwanese and Chinese history.

Only one approximate date, which we have in our disposal and which we can make a fulcrum, is the Qing dynasty period. According to one of the versions of the temple origin legends, it is during this period the boat with dead corpses and a dog arrived at the north Taiwan shore. As Mr. Lian mentioned [27, p. 19], "It was not very common (rather rare) to bring a dog on a boat at that time (Tso 2008)". So, he supposed that the event had dealt with the immigration of the whole village people from mainland to Taiwan.

As it is known from the history [13], in the early stage of Chinese immigration, every one of the same surname in Taiwan took part in collecting money to construct ancestral halls. If this phenomenon is to apply to the case of Lian family, it is not necessary that all the people of the village with the same surname were of the same descent line, and the village origin probably traces back to the early immigration period, between 1662 and 1683 during Koxinga and his son's rule in Taiwan. It may also be even earlier - after 1641 - when the Dutch encouraged the immigration and settlement of Damshui area by Han Chinese.

As Chuang [13, p. 226] informs, "Like the surname associations of overseas Chinese society, immigrants are formed as a kind of colonial lineage organization in order to adapt to the particular environment of a location." It means that Lian family village's cult, in its earliest period could be already a complicated combination of various beliefs, which have been brought by individual Hakka immigrants and adapted to the Taiwanese indigenous cults of Ketagalan ethnic group.

As it is known from Taiwan history, between 1683 and around 1760, the Qing government limited immigration to Taiwan. However, an illegal immigration from unsafe Fujian province continued. The immigrants mostly were men, who did not want to return to Fujian. Very often, they married local indigenous girls, resulting in the idiom "mainland grandfathers no mainland grandmothers" (有唐山公無唐山媽). Such restriction was relaxed after the 1760s and in 1811; there were more than two million Chinese immigrants in Taiwan.

So, most probably the reinterpretation of the symbol (4) "shipwreck" which mentions "17 rich people from Fuzhou taking a boat to Putuo Shan (the important Buddhist pilgrimage site in mainland China)" in one of the legend variants that originates in the period of the mass migration from the mainland China. I guess that the latest version of the temple origin legend was created in the period between 1760 and 1811 with a purpose to adapt the local (already very mixed) cult to the new political and ideological reality of Qing dynasty official religion and that was a reason to mention Buddhist pilgrimage site as a point of destination.

6. Fieldwork Results

Fieldwork proved the main part of initial information. The temple indeed was a dog worshipping temple, but the worshipping of the dog is only a part of a very complicated cult, which seems to be an eclectic mixture of different cults. Night time worshipping practice is also only a part of the cult – it is not a necessary practice.

The nightclub visit cards on the wooden boat model deck proved the fact that prostitutes and pimps are among the worshipers in the temple. The temple location in the fishers' village and existence of a huge custom-house in the nearby area confirm that among the worshipers, there could be fishers and smugglers.

The traditional Chinese incense sticks are in use here like in other Taiwanese temples. They are not replaced by cigarettes; the cigarettes sacrifice practice is just a special ritual added to the traditional way of worshipping.

After fieldwork and second analysis of the symbols in the temple foundation mythology and in the temple itself, I supposed that the 18 deities' cult is a mixture of many different cults, which were piled on each other. Those cults were transformed into the mixture of local superstitions, but some symbols stayed unchangeable and later were combined to form the modern cult of 18 deities.

7. Stable Symbols of the Cult

The further analyses revealed a set with the main six most stable symbols. Among them are: "otherworld", "dog", "grave", "boat", "shipwreck", and "drowned corpses". The understanding of Taiwanese and Chinese popular religion genesis together with images and mythological symbols of the peoples populating the Eurasian-Pacific area brings to the light the nature of those symbols stability. This subject requires more detailed presentation. Due to that current article needs be limited to the parallels of the most distinctive symbol of the Taiwan temple with the dog image In Russian folklore.

The Dog's Cult Origin

During the process of speculation about the cult stable symbols origin the image of Russian cynocephalus "Polkan" came to my mind together with the plots of several Russian fairy tales, where the image of the dog was pretty significant. Addressing to Russian folklore became the next stage in studying symbols of the Taiwan "Temple of Eighteen Deities". To continue the research the regular and attentive reading of Russian fairy tales was necessary. As it was noticed the image of a dog In Russian fairy tales appeared very often. Such kind of reading draws out the entire row of important data, which after the detailed analysis were formed into a holistic picture. It turns out that image of a dog is represented In Russian fairy tales by the row of variations with

diverse functions: (1) “hunting game”; (2) “helper and guardian both in real life and otherworld”; (3) “sacrificial animal”; (4) “main character’s enemy death fortuneteller”; (5) “main character’s ancestor”; (6) “combat between son of a dog and his rival shapeshifting pig”.

1. Dog’s Image In Russian Fairy Tales

Dog as a Hunting Game

In the fairy tale “Kashchei the Deathless” [16, p. 485–494] the dog’s image appears three times; and its’ functions variate from a hunting game [16, p. 489] to the deathly threat [16, p. 490, 492].

Dog as a Guardian

In the fairy tale “Tsar’s Dog” the main character was transformed into a dog by his own wife a witch [9, p. 351]. In continuation of the plot developing the functions of the character changed several times – from a shepherd dog [9, p. 352] and watching dog, as a guardian of a merchant treasures [9, p. 353] to a mystical guardian of the tsar’s infant successor’s soul from the hostile powers of otherworld [9, p. 355].

В этой китайской легенде собака спасает страну от врагов и в награду получает руку принцессы. Accomplishing a watching dog function the character rescues his owners from dangerous kidnapping spirits, who appear in the shape of ravens, the birds, which In Russian symbolic tradition are associated with death. As a reward for his service, still being in the shape of the dog, the main character receives a title of a prince from the tsar. This plot from the Russian fairy tale reminds a similar story from Chinese tradition, where the main role is played by the dog with a name Panhu [25, p. 28–29]. In the Chinese legend a dog defends a kingdom from its enemies and as a reward receives a hand of a princess.

Dog as a Sacrificing Animal

In Russian fairy tales the image of a dog very often acts as sacrificing animal. Thus, for example, in the two fairy tales “Magic Mirror” and “Wonderful Hen” dogs are killed instead of kids, who should be killed according to the order of their hostile relatives [6].

But her brother killed a watching dog, took out its heart, placed it on the sharp knife and brought to their father. He gives him a dog’s heart: “So then, - he says, - according to your parent order I executed my sister”. – “Forget about her! For a dog is a dog’s death!”, - answered the father [2, p. 108].

In the fairy tale “Two Hunters” a dog was killed by the main character as a ransom for his life, which he should pay to hostile spirits in a shape of twelve headed serpents [3]. In “Know-Nothing” a dog is killed in a purpose to find the hidden magic death, which was prepared for the main character.

The foal answers: “Ah, Ivan the merchant’s son, my beloved owner! How can I stop weeping? The stepmother wants to destroy you. You have a dog; when you will approach your house, let it enter first before you – you will see what will happen!” The merchant’s son followed the advising: just in the moment the dog overstepped the doorstep, it was teared to small pieces [5].

Dog as a Fortuneteller

A dog with a function of a fortuneteller is another important image in that set of dog’s images. Thus the Ivan Son of a Bitch’s enemy, a serpent (monster Chudo-Yudo) is accompanied by three fortunetelling animals, which are able to predict the death, - a horse, a raven, and a dog.

The waters in the river suddenly shake, the eagles on the oaks started yelling, the bridge buzzed – Chudo-Yudo the six-headed serpent comes out; the horse under him stumbles, the black raven on his shoulder trembled, the hound behind him bristled.

Chudo-Yudo says to them:

– Why do you, a wolf’s game stumble? You, the crow’s feather, - tremble? And you, dog’s hair, bristle? Do you hear a friend or an enemy?

– We hear an enemy [1].

So in this episode a dog (hound) has a function of a fortuneteller.

Dog as an Ancestor

Among Russian fairy tales there is a special cycle, where three brothers compete with each other. The youngest one, a successful serpent fighter in different tale variants is depicted as Ivan Son of a Cook or Ivan Son of a Peasant, Ivan Son of a Cow, Ivan Son of a Bear, and even Ivan Son of a Bitch.

Two of them, a husband with his wife sit together to have a dinner, ate some fish, and also some fish soup. When they finished their dinner, the remaining food was eaten by a servant who shared it with his wife; the remaining bones were given to a servant’s dog, so those bones were given to the bitch. Then, when all that was eaten, all of them became pregnant – the tsarina, the servant’s wife, and the bitch, a dog but also gave a birth to a son. The servant saw that his bitch gave a birth to a human boy, he took him from her and feed him together with his son as his ow [8, p. 316].

The above mentioned variation reminds Cuhulinn (or Cú Chulainn), a character from Celtic mythology. The fact that many characters of Celtic mythology have names connected with an image of a dog could testify existence of dog’s clans in ancient Celtic and Proto-Celtic societies who used this image as their totem. The names with the part “cú” which means “hound” very often

appear in Irish Annals and mythological cycles. For example there are such as Cú Choigríche with the meaning "hound of the border"; Cú Mara with meaning "hound of the sea"; Cú Ulad with meaning "hound of the Ulstermen".

Describing the mythological cycle about Cú Chulainn, Macculloch [17] mentioned that one of the characters, Lugaid, was called Mac na Tri Con, which means "Son of the Three Dogs". Explaining this detail Macculloch says [17, p. 156] that Lugaid's mother, a wife of Cú Roí, loved at the same time two other men with the names Cú Chulainn and Conall. As it was mentioned already the word "cú" in those names means "dog"; and "con" in the name Conall is the genitive of "cú".

The name Cú Chulainn means "Culann's Hound". Cú Chulainn is the main character of the huge mythological cycle. And it looks like his image is connected with the ancient Celtic dog cult. Cú Chulainn was originally named Sétanta, but received his better-known name when in purpose of self-defense killed Culann's fierce guard-dog, and as compensation offered to take its place to guard Culann's house. After that event the druid Cathbad announces that his name henceforth will be Cú Chulainn – "Culann's Hound". Macculloch [17, p. 142] suggests that the name Cú Chulainn could be given him during a puberty ceremony and the mythical story is a later explanation of the name origin.

According to the myth Cú Chulainn died because he was forced to break the taboo against eating dog meat, the flesh of his namesake. Macculloch describes it like that: "On his way he met three crones, cooking dog's flesh with poisons and spells, who called him" [17, p. 156]. The image of Ivan Son of a Bitch from Russian fairy tales cycle is very similar to image of Cú Chulainn and probably also originates from the early Slavs initiation rituals in clans who used dog's image as their totem.

Dog's Combat with a Pig

The In the cycle about Ivan Son of a Bitch there is an interesting episode describing his struggle with a witch, who transformed into giant pig. The episode has parallels in the Celtic mythology where there is a row of similar motifs. The motif origin could be explained by comparison with the Trobrianders' myth of the dog and the pig clans' dispute about the priority in the Trobrianders' society hierarchy.

The population of the Trobriand Islands near New Guinea was studied by famous ethnographer of Polish origin Bronislaw Malinowsky [18]. In one of the myth recorded by Malinowsky in the beginning of the 19th century there is an episode depicting three siblings' rivalry. Malinowsky mentions, by the way [18, p. 71], that the Trobrianders' have a unique feature of social structure, which is entirely foreign to all the other Papua Melanesian tribes. This feature is the principle of rank attached to totemic divisions. It seems that those three mythological characters – two brothers and a sister –

symbolize the fact of prehistorical confrontation among the existed in the past three clans which were identified by three different totems with images of an iguana, a dog, and a pig.

From the other hand the principle of ranking was a common for the earliest Indo-European speaking societies [14]. It could be that the Trobrianders inherited such kind of ranking system from their far away ancestors, which brought this tradition from Eurasian continent long time ago.

2. Dog's Image in the Tripartite System of Proto Indo-Europeans

The reflected in the myth Trobrianders' social structure fits organically into the theory of three functions designed by Georges Dumézil [14], where he proves the existing of tripartite social organization in the structure of Proto Indo-European society. The theory of tripartite hierarchy structure of early Indo-European society is supported also by Mallory [19] in his monography devoted to the studying of the problem of Indo-Europeans' origin. Despite the area populated by the Trobrianders is located geographically extremely far away from the Indo-Europeans' hypothetical homeland the similarity in social structure could be understood as an evidence of ancient migration processes, when autochthonic population was influenced by new comers and in this way included into a single Eurasia-Pacific cultural complex. The first time the concept of Eurasia-Pacific cultural complex was suggested by the author of current work in his paper, devoted to the same issue, in an international symposium, organized by the National Chengchi University in Taipei (Taiwan). Until now was widely used only the concept of Eurasianism. Recently is actively populating also the concept of Eurasia-Pacific. However the unification of these two separated concepts into indivisible one, where should be included also the Mediterranean Africa, looks more practical [21].

Limiting his work, of cause, only by comparison of the Indo-European peoples' mythologies, Dumézil came to conclusion that all of them had in the past three functional estates of the realm or castes: priests, warriors or nobles, and farmers or commoners. Every caste was represented in mythologies by its own deity. Thus the caste of priests was represented by the Greek Zeus, Roman Jupiter, Germanic Odin, Slavic Perun, and Indian Brahma. The second estate was symbolized by gods of war – the Greek Ares, Roman Mars, Germanic Thor, Slavic Jarovit, and Indian Vishnu. And the caste of farmers was represented by gods of fertility – the Greek Demeter, Roman Ceres, Germanic Freyr, Slavic Radegast, and Indian Shiva.

In the Russian cycle about Ivan Son of a Bitch also the traces of Proto Indo-European tripartite social structure could be noticed. Here they are represented by images of three brothers – Ivan Son of a Tsar, Ivan Son of a Wench, and Ivan Son of a Bitch. Now, when all the six main functions of the dog's image In Russian fairy tales are illustrated, it is reasonable to address archaeological data.

3. A Dog in Excarnation Rituals

During the process of studying the Taiwan “Temple of Eighteen Deities” symbolism and the dog’s symbol origin reconstruction which was accompanied by researching of that image functions In Russian fairy tales, I found numerous traces of once existed cult of a dog worshipping, which were widely represented in mythologies, fairy tales, and superstitions of many different peoples in the Eurasia-Pacific region.

The motif of a dog’s self-sacrificing in the variants of the legends about the “Eighteen Deities” cult origin reminds funeral ceremonies with a ritual sacrificing of dogs in purpose to serve as guardians of the dead people souls during their journey to the otherworld. It is supposed that such kind of rituals were used all over Eurasia in the Neolithic epoch and during the Bronze and Iron ages.

Trubshaw (1994) gives detailed picture of the dog cults among Eurasian peoples [26]. Mythology and archaeological data witness a very specific role of dogs in the Neolithic and Bronze Age cults, where they served as the ‘psycopomps’, the guides to the otherworld, and the guardians of the boundaries between the worlds.

Thus British archaeologists, for example, found two dogs at the Flag Fen Neolithic/Bronze age complex near Peterborough (England). As Trubshaw informs (1994) the both dogs have been ritually killed “to serve as spirit-guardians, at a site which was undoubtedly a major focus for funereal rituals over many centuries” [26].

Trubshaw pays attention also on the fact that during the Bronze Age Europe only few of the population were buried and assumes that dog’s cult could originate from the excarnation rituals [26]. The excarnation is the burial practice of removing the flesh of the dead, leaving only the bones. Excarnation may be carried out by leaving a body exposed for animals to scavenge, like the Tibetan sky burial, Comanche platform burials, and traditional Zoroastrian funerals.

4. The Stable Cult Symbols Origin

The analysis of dog’s images In Russian fairy tales and their parallels in Celtic mythology makes possible to continue dating the origin of the main symbols in the Taiwan “Eighteen Deities” cult. As it could be understood on the base of all described above an image of a dog both in the Taiwan temple and In Russian fairy tales is firmly connected with the notions of life after death.

Otherworld

The concept of otherworld demonstrates high level stability all over the world, and its origin could be dated by the Upper Paleolithic epoch (around 35,000 years ago), when could appear the idea of the life after death.

Dog

The geographical area of once existed dog's cult is spread all over the whole Eurasia-Pacific region. Due to that fact the symbol origin could be dated by the time of a dog's domestication in the Late Upper Paleolithic era around 17,000–14,000 years ago. As a hunting dog function dog's symbol was connected with animals killing and in this way with death and the concept of otherworld.

Grave

A tomb symbol origin should be connected with first megalithic constructions, which are dated by Neolithic and Bronze Age about 11,000–6,000 years ago. It seems that during the Neolithic revolution former hunting dog's cult preserved its connection with the symbol of otherworld, but now due to the excarnation rituals, which very probably were practiced on the megalithic sites, the idea was transformed.

Thus a dog's symbol as a hunter's helper was transformed into psychopomp, a guardian of dead people's souls during their journey into a hereafter. Excarnation rituals with the accompanied them practice of dogs' sacrifices could be explanation of two symbols – “dog” and “grave” – combination in the Taiwan “Eighteen Deities” cult.

Boat

Probably a boat as religion symbol originates from the epoch of the first transportation revolution – and is connected with invention of a boat. People had developed a means of traveling on water even before they had domesticated the horse. The oldest boats to be found by archaeological excavation are log boats from around 9,000–7,000 years ago.

Shipwreck

The parallel between numerous records about shipwrecks occurred in the Taiwan surrounded waters and the Trobrianders' shipwreck mythology suggests that the Taiwan legend about the shipwrecked crew with seventeen people and a dog is connected with the shipwreck mythology of sea nomadic peoples, who passed by and settled in Taiwan shores. This symbol was created probably by first seafarers in the period started from 6,000–5,000 years ago, when travel in the sea was invented.

Eighteen or Seventeen Deities

Among the books proposed to worshipers by the “Temple of Eighteen Deities” was one describing eighteen types of sins, which after death should be purified on eighteen specialized levels of the Purgatory. It is interesting that in the Chinese variant of Mahayana Buddhism there are also images of eighteen arhats (or luohan) [23], whose quantity, however, has different

variations. Images of eighteen arhats were especially popular in the time of Qing Emperor Aisin Gioro Hongli, who reigned by the title Qianglong (乾隆帝) during the period between 1736 and 1795 AD. Besides in the Chinese tradition there is a conception of eighteen levels of underworld [23], which corresponds to the quantity of arhats and Eighteen Deities of the Taiwan cult.

There is also the idea of hell, or "diyu" (地獄; "earth prison"). Incorporating ideas from Taoism and Buddhism as well as Chinese popular religion, diyu is a purgatory place which serves not only for punishment but also for renewing of the souls preparing them for their next incarnations. It is interesting that the Chinese character for "prison" (獄) in the concept of under earth located purgatory includes two graphemes with the "dog" meaning and a grapheme with the meaning of "speaking".

The exact number of levels in Chinese hell differs, some speak of three to four levels, other as many as ten. In Taoist and Buddhist mythology, hell is made up of ten courts, each ruled by one of the 10 Yama Kings (閻王) and 18 levels where wrongdoers are punished. The stable concept of "18 levels of hell" started in the Tang Dynasty. The Buddhist text *Jian Di Yu Jing* (閻地獄經) mentioned 134 worlds of hell, which later were simplified to 18 levels.

Teiser mentions that an early-sixth-century Chinese encyclopedia described other Buddhist concepts of hell structure, which include among others 18 hells system [23, p. 118]. It means that origin of the 18 hells tradition starts in the period before 6 century [23, p. 130].

In my turn I suppose that Taiwan "Eighteen Deities" cult could be a result of the long chain of transformations of this numeral symbol adaptation. First of all the numbers 17 or 18 could be connected with a number of crew members in traditional seafaring vessel in the epoch of the first seafarers. Then this number could have a connection with South-Chinese Yao people tradition, who till now preserves the cult of 17 or sometimes 18 deities. Moreover Yao believe that they originated from the legendary five colored above mentioned dog Panhu, who was their ancestor.

This cult could be brought to Taiwan by Hakka immigrants who had long time history of interrelations with neighboring Yao people during the period when they lived in the Mainland China. And finally, the weakening of the restrictions for immigration of Chinese population to Taiwan (after 1760s) falls on the period of Emperor Aisin Gioro Hongli reign, who was a follower of the 18 arhats' cult. Such a profitable unity of different cultural traditions, which were brought to the northern shores of Taiwan in different periods by different waves of migrants, could explain the stability of that numeral symbol in the cult and a special its accentuation.

Conclusion

In the whole current study brings to the conclusion that some of the “Eighteen Deities” cult rituals and mythological symbols represent fragments of once indivisible religious and mythological system. Tracing the parallels of the cult symbols in mythologies of other peoples I found that many among them have similar sets of common symbols [20]. And if similarity of particular symbols in different cultures not necessary means connections between them, then the similarity in the sets of symbols suggests high level probability of such connection.

Among the cultures, which are connected by common sets of symbols, to this moment I know following: Celtic, Germanic, Slavic, Greek, Chinese; cultures of Uralic and Siberian shamanism; cultures of the Austronesian languages speaking peoples throw their belief systems and funeral rituals.

Of cause every particular culture demonstrates specific variants of similar sets of symbols. Every such kind of sets lacks some of symbols or in opposite way they demonstrate the specific variants of the main symbolism. Anyway the comparative analysis of those sets gives possibility to reconstruct the patterns, which could represent different phases of those common for the Eurasia-Pacific area sets of symbols development. Here I show the first among reconstructed patterns, which represents the set of symbols connected with the image of a dog.

“A dog as a hunting game” - as any other object of hunting game, a dog is connected with otherworld because of its death from the hunter’s hand.

“A dog as a helper and a guardian”, guardian from untimely death, cause it helps a hunter and a pastoralist in their activity connected with the getting of food resources necessary for the continuation of life. Such a new function is connected with new role of a dog as a domesticated animal.

“A dog as a sacrificing animal” - due to the fact, that as a scavenger it is connected with the death and because of that could be a spirit-guardian guiding souls of the dead in their journey to the otherworld. On this stage of symbol development a dog receives a new function of a scavenger animal, which actively participates in the rituals of excarnation. Eating remains of a dead human a dog comes closer to the later image of a “rafter” who takes souls of dead to another side of the river, which separates realms of two worlds – the world of alive and the world after death. And in this case the symbol of a dog is connected with the symbol of a boat.

“A dog as a fortuneteller” is a function developed from the previous image of a guardian and a sacrificing animal, the animal which can to forewarn and in this way to guard the alive from a untimely death.

“Dog’s clan”: this variation represents a developing stage when above described functions started to be in use of the groups of people who fulfilled sacral functions inside their societies, such as shamans and totemic clans.

“The motif of a dog’s combat with a pig”: that motif could appear in the Neolithic epoch when a pig was domesticated. A pig became the main food resource. This new resource always was available and became much more important for everyday life compare to a game of hunting.

References

1. “Burya-bogatyr, Ivan korovii syn” [Tempest-hero, Ivan cow’s son], in: *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas’eva*, 3 t. [Russian folk tales by A.N. Afanas’ev, 3 vols.], vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1984, pp. 216–225. (In Russian)
2. “Chudesnaya kuritsa” [The wonderful hen], *Skazki*, 3 t. [Tales, 3 vols.], vol. 2, ed. by Yu. Kruglov. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1992, p. 154. (In Russian)
3. “Dva okhotnika” [Two hunters], in: *Skazki*, 3 t. [Tales, 3 vols.], vol. 2, ed. by Yu. Kruglov. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1992, p. 121. (In Russian)
4. “Neznaiko” [Know-Nothing], in: *Skazki*, 3 t. [Tales, 3 vols.], vol. 2, ed. by Yu. Kruglov. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1992, p. 177. (In Russian)
5. “Sykin Syn” [Son of a Bitch], *Skazki Karelskogo Belomor’ya* [Tales of the Karelian White Sea], vol. 1, book 1, ed. by M. Azadovskii, B. Larin, I. Meshchaninov. Petrozavodsk: Karelian State Publ., 1939, LXII, pp. 314–334. (In Russian)
6. “Tsarskaya sobaka” [The tsar’s dog], *Skazki*, 3 t. [Tales, 3 vols.], vol. 2, ed. by Yu. Kruglov. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1992, pp. 351–355. (In Russian)
7. “Volshebnoe zerkal’tse” [Magic mirror], in: *Skazki*, 3 t. [Tales, 3 vols.], vol. 2, ed. by Yu. Kruglov. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1992, p. 108. (In Russian)
8. Chuang, Y.-Ch. “Lineage Organization on the Taiwan Frontier”, *Anthropological Studies of the Taiwan Area: Accomplishments and Prospects*, eds. by K.Ch. Li, K.Ch. Chang, A.P. Wolf & A.Ch. Yin. Taipei: National Taiwan University, 1989. 390 pp.
9. Dumézil, G. *Mitra-Varuna*. Presses universitaires de France, 1940. 150 pp.
10. Jensen, A. “Legends of the Temple of 18 Deities origin”, in: I. Sitnikov, *Master’s of Arts Thesis. Change and Stability of Eurasian Symbols in Taiwan Popular Religion: A Case Study of the 18 Deities Cult*. Taipei: NCCU, 2009, p. 5.
11. Jung, C.G. “Struktura bessoznatel’nogo” [The structure of the unconscious], *Ocherki po psikhologii bessoznatel’nogo* [Essays on the psychology of the unconscious]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2010, pp. 297–337. (In Russian)
12. Jung, C.G. *Chelovek i ego simvol’y* [Man and His Symbols]. St.Petersburg: B.S.K. Publ., 1996, pp. 79, 451. (In Russian)
13. Koshchei the Deathless, in: *Russian Fairy Tales*. New York: Pantheon Books, 1973, pp. 485–494.
14. Macculloch, J.A. “Celtic Mythology”, *The Mythology of all Races*: 13 vols., vol. 3, eds. by L.H. Gray & G.F. Moore. New York: Cooper Square Publishers. Inc., 1946, pp. 142, 156.
15. Mallory, J.P. *In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth*. London: Thames and Hudson, Ltd., 1992. 288 pp.
16. *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas’eva*, 3 t. [Russian folk tales by A.N. Afanas’ev, 3 vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1984–1985, vol. 1 – 512 pp.; vol. 2 – 464 pp.; vol. 3 – 496 pp. (In Russian)

17. *Russian Fairy Tales*. New York: Pantheon Books, 1973. 672 pp.
18. Sitnikov, I. "Common Patterns of Cultural Heritage in Asia-Pacific", *IDAS Symposium. The Rising Asia Pacific Region: Opportunities and Challenges for Cooperation*. Taipei: NCCU, 2011, pp. 316–337.
19. Sitnikov, I. *Change and Stability of Eurasian Symbols in Taiwan Popular Religion: A Case Study of the 18 Deities Cult*. Master's of Arts Thesis. Taipei: NCCU, 2009, pp. 297–337.
20. *Skazki Karelskogo Belomor'ya* [Tales of the Karelian White Sea], vol. 1, book 1, ed. by M. Azadovskii, B. Larin, I. Meshchaninov. Petrozavodsk: Karelian State Publ., 1939. LXII, 646 pp. (In Russian)
21. *Skazki*, 3 t. [Tales, 3 vols.], vol. 2, ed. by Yu. Kruglov. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1992, 507 pp. (In Russian)
22. Steward, J. *Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1955. 245 pp.
23. Teiser, S.F. "The Growth of Purgatory", *Religion and Society in Tang and Sung China*, eds. by P.B. Ebrey & P.N. Gregory. University of Hawaii Press, 1993, pp. 118, 130.
24. Ter Haar, B.J. "The Genesis and Spread of Temples Cults", *Development and Decline of Fukien Province in the 17th and 18th Centuries*, eds. by E.B. Vermeer and E.J. Brill. Leiden, 1990, pp. 349–396.
25. *The Man who Sold a Ghost: Chinese Tales the 3rd–6th Centuries*. Hong Kong: The Commercial Press, Ltd., 1977, pp. 28–29.
26. Trubshaw, B. "Black Dogs: Guardians of the Corpse Ways", *Mercian Mysteries*, 1994, no. 20.
27. Tso, M. "Mr. Lian's interview", in: I. Sitnikov, *Master's of Arts Thesis. Change and Stability of Eurasian Symbols in Taiwan Popular Religion: A Case Study of the 18 Deities Cult*. Taipei: NCCU, 2009, pp. 18–19.
28. Malinowski, B. *Argonauts of the Western Pacific*. London: George Routledge & Sons, Ltd., 1922. 276 pp.